
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 235-летию со дня рождения И. Я. Шмидта (1779—1847)

St. Petersburg
2014

Б. А. Бичеев

Видения буддийского ада в повествованиях о Таре

Статья посвящена повествованию на сюжет видения буддийского ада, которое представляет собой одну из редакций известной в монгольской литературе «Повести о Зеленой Дарь-эхэ». Публикация текста расширяет поле исследования текстов на сюжет видения буддийского ада в монгольской литературе.

Ключевые слова: Монгольская старописьменная литература, видения буддийского ада, Белая Дарь-эхэ, Зеленая Дарь-эхэ, Нарану Гэрэл, Эрлик Номун-хан.

Повествования на сюжет видения буддийского ада пользовались особой популярностью в широких слоях калмыцкого общества начала XX в. В научном отчете известного просветителя Номто Очирова о результатах его экспедиций 1909—1911 гг. по улусам астраханских калмыков указаны названия некоторых рукописей, виденных им в личных коллекциях разных лиц. Среди списка книг калмыка простолюдина Ахтубы значится «История Чойджид-дагини» («*Čöyijid ragini-yin tuuji*»). В библиотеке хошеутовского нойона Тюменя среди других произведений имелась «История Гусю ламы» («*Töböddi-yin xutuqtu Güüsü blama nirvana boluqsani tuuji oršibo*»). Другой список этого же текста хранился в коллекции рукописей дербетовского зайсанга Бочи Талтаева [Очиров, 2006. С. 172].

Православный священник Пармен Смирнов в своих путевых записках пишет: «...Я же обратил внимание на родственницу, которая, повертывая *кюрдю*, читала какую-то книгу (*ном*), написанную на отдельных продолговатых листах. На вопрос мой, что она читает, родственница отвечала: „Чудеса, совершенные священной книгою Дорджи Джодба, которых было пятнадцать“» [Смирнов, 1999. С. 76]. Упомянутое произведение известно под названием «*Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqči očiriyn ači tusa nomloqson kemėkü orošibo*».

Другими не менее популярными произведениями на сюжет видения буддийского ада были «История о Молон-тойне» («*Moloni toyin ekėn tamu-ėce Ƴarayaqsan sudur orošibo*») [История о Молон-тойне, 1999] и «Жизнеописание Белой Тары» («*CaƳān Dare ekeyin namtar orošibo*») [Brief Catalogy of oirat manuscripts, 2005. № 688 (23)]. Одна из глав последнего произведения полностью посвящена описанию путешествия героини повести в буддийский ад. Впоследствии эта глава обрела самостоятельную форму бытования и стала известна под названием «*CaƳān Dare ekeyin*

tuuji zarliq orošibo» («Повесть о Нарану Герел») [Сазыкин, 1988. № 2241].

В рамках монгольской литературы на старописьменном языке существует произведение под названием «История Зеленой Дарь-эхэ» («Повесть о Нарану Гэрэл») [Damdunsürüng, 1959; Доржпаламын Сумъяа, 2011]. По мнению исследователей, «в этом сравнительно небольшом сочинении описание путешествия его героев в ад очень кратко и малопримечательно» [История Чойджид-дагини, 1990. С. 14]. В действительности же тема посещения ада и освобождения существ от адских мук является в этом произведении сюжетообразующей [История Белой Тары, 2013]. Среди всех известных списков «Повести о Зеленой Дарь-эхэ» есть одна рукопись, содержание которой отлично от всех других. Это текст под названием «*Getülgeči CaƳan Dare eke-yin tuuji-un sudur orošiba*» («Сутра, повествующая о Спасительнице Белой Дарь-эхэ») из фонда монгольских рукописей Национальной библиотеки г. Хух-Хот АРВМ КНР (Шифр 02148). Рукопись представляет собой сшитую тетрадь, состоящую из 16 л., размером 11×22 см [Доржпаламын Сумъяа, 2011. С. 136].

Содержание этой уникальной рукописи состоит из двух частей. В первой части лаконично описывается рождение у престарелой Басмани-хатун сына, его исчезновение и хождение матери по разным мирам в поисках его. Во второй части, составляющей основную часть произведения, воспроизводится сцена суда Эрлик Номун-хана в присутствии Белой Дарь-эхэ, ее сына Аюхи-бодхисатвы и Молон-тойна. Несмотря на то что сюжет этого произведения перекликается с монгольскими вариантами рукописей, в нем есть в то же время элементы, которые сближают его с ойратской версией. Однако в целом это уже произведение, отличное как от первой, так и от второй версии. Главное его отличие заключается в том, что большую часть содержания этого текста занимает сцена суда над умершими людьми в аду, чего нет

в содержании ни одной из известных монгольских и ойратских редакций этого произведения.

Во-вторых, в отличие от монгольских и ойратских текстов в структуре этого произведения нет явных фольклорных мотивов, которые так сближают монгольскую и ойратскую версии с устной художественной традицией. К примеру, в содержании этой повести нет чудесной пилюли, которой будды одаривают героиню монгольских повествований. Нет здесь и встречи героини с вороном, столь характерным для содержания произведений монгольской версии, и нет чудесного коня-помощника и небесной невесты-рагини, выступающих сюжетобразующими в ойратской версии. Этим своим особым содер-

жанием, в котором сюжет видения буддийского ада занимает основную часть произведения, этот южно-монгольский текст отличается от монгольской и ойратской версий.

Таким образом, к числу известных в монгольской литературе повествований на сюжет видения буддийского ада следует отнести и текст под названием «*Getülgeçi Čayan Dare eke-yin tuuji-un sudur orošiba*» («Сутра, повествующая о Спасительнице Белой Дарь-эхэ»). Введение в научный оборот транслитерации и русского перевода текста позволит расширить представление исследователей о текстах на сюжет видения буддийского ада в монгольской литературе.

Литература

- История о Молон-тойне, 1999: Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». СПб., 1999 (Istoriya o Molon-toyne, 1999; Oyratskaya versiya «Istorii o Molon-toyne». SPb., 1999).
- История Чойджид-дагини, 1990: История Чойджид-дагини. М., 1990 (Istoriya Coydjid-dagini, 1990; Istoriya Coydjid-dagini. M., 1990).
- История Белой Тары, 2013: Ойратская версия «Истории Белой Тары». Элиста, 2013 (Istoriya Beloi Tari, 2013; Oyratskaya versiya «Istorii Beloi Tari» («Povesti o Bagama-yatun»). Elista, 2013).
- Очиров, 2006: *Очиров Н.* Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Н. Очирова // Живая старина. Элиста, 2006 (*Ochirov N.* Poездka v Aleksandrovskiy i Bagacohurovskiy ulusi astrahanskikh kalmikov. Otchet N. Ochirova // Jivaya starina. Elista, 2006.).
- Сазыкин, 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР. М., Т. I. 1988 (*Sazikin A. G.* Katalog mongolskih rukopisey i ksilografov Instituta Vostokvedeniya AN SSSR. M., T. I. 1988).
- Смирнов, 1999: *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста, 1999 (*Smirnov P.* Putevie zapiski po Kalmickim stepyam Astrahanskoi gubernii. Elista, 1999).
- Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Ulaanbaatar, 2005.
- Damdunsurung, 1959: *Damdunsurung Ce.* Mongyol uran joki-yal-un degeji jayun bilig oroshiba. «Corpus Scriptorum Mongolorum». T. XIV. Ulaganbagatur, 1959.
- Dorjpalamin Sumyaa, 2011: *Dorjpalamin Sumyaa.* Mongol Nagoon Dara ehein tuuj. Ulaanbaatar, 2011.

Транслитерация

[1] Getülgeçi Čayan Dar-e eke-yin tuuji-un sudur orašibai:

[2] Tedeger burqan-u galab-un segül-dü šagjimuni burqan galab-un teregün-dü: ai-a eke Basamani qatun arban ĵiruyan nasun-eče ekelen nebte nayan nigen nasuyi kürtel dayan kigsen bui: ĵun-u teregün sar-a-yin sin-e=yin nayimun geĵji edür-tü burqan ĵurban erdeni-yin gegen dürsü-yi üzeĵü: burqan-du urdaki minu qoldaba: qoyidaki minu oyiridaba: geĵü ür-e ĵuyuuba: ebül-ün terigün sar-a-yin qoriyin tabun gegĵi edür-tü qaš erdeni metü šidütei ĵalbar-vs modun-u niĵürtei [3] qoyor dala-tayan toor-e-nar bütügšen ĵurban küke mengetei: ara-dayan bičigtei: Ayuqu bodisadu-yin neritü köbegün ĵayayaĵi ĵarayayun eĵigen čayan sün-eče ĵurban qonog kükeged ügei bolĵi odba: ai-a Basamani qatun eke bolugšan ĵiruyan ĵüyil qamug amitan-eče asayuba: Čayan Dar-e eke minu ene oron-du yaĵuma irigšen ügei gebe: erliq noma-un qaĵan-du očiĵü kürege-ün: ayultu araban nayiman tamu-yi kesečü: mavi-yin küre-yi deldejü: nigen badarayulĵu unšiba tere čag-tur 18 tamu-yin amitan [4] ganida sukevadi-yin oron-du očiĵü töröbe: 18 tamu-yi dayayasan araslan niĵürtei nigen köbegün erlig qaĵan-du alidqaba: ai-a man-u ene ayul-tu 18 tamu-yin amitan

yambar uçira-yer ganida sukevadi-yin oron-du očiĵü töröbe: geĵü asayuba: erliq noma-un qaĵan-tan 16 dabaur kürel bayišang-eče küke buyu-yen külgeĵü 72 alda calma-yin abaču ögede qandaĵu qarabai: qatun Dar-e eke-yi üzeĵü bulayayun: teregüi-yen segseriĵü: qoyolai-ben tataĵu: alda çayan qadag bariĵu [5] Čayan Dar-e eke amur bayinou geĵü asayuba: ta qamiĵ-a-eče qayiši –alrun yabuĵu bayuma geĵü asayuba: bi 16 nasun-eče ekelen 81 nasu-yi kürtel nebte dayan kele bi: ĵurban erdeni-eče ür-e ĵuyugšan-dou: qaši erdeni metü šidütei: ĵalbarvs modu metü niĵür-tei: qoyor dalan tayan toor-ayer bütügšen 3 küke menge-tei: arda-dayan bičig-tei: Ayuqu bodisadu nertei köbegün ĵayayaĵi ĵarayayun eĵegeyin [6] çayan sün ĵurban qonog kükeged ügei bolĵu očiĵi: tan-u ene oron-du yaĵuma irebüü geĵü asayuba: getülgeçi yaĵuma iregšen ügei geĵü alidqaba: eke Čayan Dar-e eke ta: tüdis geĵü qayirel bi nigen üge todoqanuu ögülesügei bi kejen-e čag-tou erte-yin mayu üyile-ün ür-e-ber: ĵayun ĵeba yirtemĵi-yin ĵaray-a šigüĵü sayudaya amu: yeke ĵobolang-tu qaĵan bile: nadudur ĵiruyan ĵüyil-ün qamug amitan-u tusa-yin tula ĵiruyan üsüg mavni-yin kögeĵigeĵü [7] badarayulĵu qayiral gegsen-dü: ai-a ene bei-e minu toyu ügei bayin-a: ečüs

qoyin-a bei ergejü irejü erike bişi mavni-yi nigen badarayulju bari-a: kemen ayiludun tngger-yer yisün önge-yin solongya tatajulju kei ayara-yer ögede bolun yaruyun sayin çag-un mingyan burqan-eçe asayuba: ai-a Çayayan Dar-e eke minu ende iregsen ügei gebe: qoro-musta tnger-ner-eçe asayuba: ai-a ene oron-du irigsen ügei gebe şakjımuni [8] burqan-eçe asayuba: ai-a getül-gegeçi ene oron-du iregsen ügei gebe: tegün-eçe jambutib deger-e irecü jıruyan jüyil qamug amitan kiljana çayayan ebesün-eçe küretel asayuba: ai-a man-u ene oron-du iregsen ügei gebe: yabujı yabutal yirin yisün jil dayin kegsen arşi blama-e ayui-yin egüden-dü çayayan qara jıruyai jıruju qara çayayan çiloju talbaçu bayiqui-yi üjgün tere blama-e [9]-du müregübe: barayun yar-yer çengelejeküi qara duldui-ber adis talbaçu qayirlba: ai-a Çayayan Dar-e eke ta qamiya-eçe qayışı ögede bolçu yabuba gebe: bi 16 nasun-eçe 81 nasu küretel-e dayin kiged burqan 3 erdeni-eçe üri-e çuyugsan-du minu qaşı erdeni metü şidütei: kalbarvs modun metü niyür-tei: qoyor dal-a dayan toor-a-yer bütügsen 3 küke menge-tei: aru dayan biçigtei: Ayuqu bodisadu neretei köbegün jayayaçi yaruyad ejigen çayayan [10] sün çuraban qonog kökegün ügei bolju oçiba: tanu ene oron-du yayuma irebüü gebe: ai-a [ene] oron-du iregsen ügei gebe: ai-a blama ta belgeçi tölgeçi bögesü belge tölge bariçu qayiril gebe: tere blama altan qumayana-ben erigülçü: altan şoie-ben orakiyun: sayin cag-un mingyan burqanu dumda mingyan dabaqur altan bumba dotor-a bayin-a: Ayuqu bodisadu köbegün çini: ayui yeke medelte: arilugsen nom-un bei-tei: [11] 11 niyürtei: abida burqani titmtei: ariyun tegüs lagşin (bei)-tei: tegşi mingyan mutur-tei: aliqan bürin nidütei: amitan üjegiçi jılayu idur dürtei: jandan gücisün ünürtei: eldeb kib-un qubçis-tei: eldeb erdeni-siyin çimig-tei: çalbwinga-yin egşigtei: eldeb erdem tegüsügsen: ariyun üsüg tarani-tei: çurban cuqag degede ayiludugçi belege bilige-ün iroitei: eril bügüde-yi qangyagçi jındamani erdeni [12]-ber bütügsen: çab çayan dürtei: jandun qoorlon nertei: caglaşi ügei genel-tei: qutug-tu qonşim bodisadu-yin biye tei: baril mön yeke bolugsan jıruyan jüyil-un qamug amitanu jobolang yeke bolugsan tula sayin cag-un mingyan burqan jılayu abuçıyun mingyan dabaqur altan bumba dotor-e kegün takiju bayina gebe: ai-a Basamani qatun: bögsin beye-ni miqa-yi şulju cab-a kejü: qoyir [13] köke-ni sün-yi sayacı blama-du manju çanjı bariyad: qoyor milme-ni nilbusun bilig-un qura bolju togtaba:

Ene beyin-du bolbal yirin yisün jil dayan kegsen yirin yisün kele-yi medekün bodisadu ba gegen bolju törögsen bayina: ecüs qoyitu sünüsün-dü badma lingba ceceg-un-eçe qubilju töröged: Abida-yin bey-yi olju töröküi geju irögil talbiyad: tnger-tu yisun öng-e-yin solongya [14] tatajulun garayad sayin cag-un mingyan burqan-ni tende oçiju barayun çara dayan ereyin tayar-yi bariju: jögün çara dayan qubayai tayig bariçu çuyilayançi emigen bolun qubilju yabuba: burqan Şagjımuni Jarlig bolun alidqaba: ta tegüni ene-un çuyilayançi emigen geju sananou qamug yayuma-yi endeküi bolqu boloçu: Ayuqu bodisadu köbegün-ni eke tere mön geju ayiladba: Ayuqu bodisadu köbegün çis gitel dayun yaruyun [15] çagatai yayuma çag-taya: kemejei-a-tei yayuma kemjei-

taya geju ayiladun mingyan dabaqur altan suburya-e-yi nurayaju orakiyad eke-yen örölüge-yin mandaqu naran-du teberin mayuraçu: unuqsan bei-a-inu üdüşi-yin oroqu naran-du sergijü bosoyad: erlig nomun qayan-a-du oçiju ayul-tu arban nayimin tamu-yin keseçu mavi nigen badarijulju unşiba: arban nayimin tamu-yin amitan ganida [16] sukwadi-yin oron-du oçiju töröbe: dorju nilba nertü tamu dotor doriben çayun yirin yisün ekener kümün nigen qara kümün üldüju qocarba::

Erliq nom-un qayan: ai-a Basamani qatun: Ayuqu bodisadu: Molom toyin dürbegülün: çayun jeba yertemji-un çaruyay-yi şigüju sayuba: tegeju bayital barayun çarayan badir-e ayiy-a barigsan jögün çara-tayan duldui barigsan çurban nom-tu [17] debel-tei lagşin tegüsügsen gelong kümün oroju irebe: erliq nom-un qayan qamiya-eçe iribe: geju asayuba: bi jambutib-un nertü sansar turu nertü kuçiju yertemji-eçe endege-dü baralqa kemegsen-du baralqaju irebe: namai-yi çayun-du dayudagsan bolba geju ayildqaba: je-a çi buyan you kebe: kilince you kebe: kemen asayuba: ai-a bei buyan kilince kegsen yayuma ügei: qadan-du sayuju [18] amitan tusalqu-yu sanaju qalag ideju ayui-du sayuju amitan-ni tusalaju yabuba gebe: erliq nom-un qayan altan toil-ben abaçu üjüged: çini kelegsens-inu ünen bolbaçu: çurban sar-ayin jerege-dü ünen qudal sanal sanju ünen qudal sedkil-yer süsügelju qoor cuglagugsan bayin-a: egüni abaçu çaruyad ken kümün-ü çagca abayai-yin töröl-yi olay-a gebe: tegeju bayital ere dumda nasutai qoi şara çirei-tei gecül kümün [19] eme-ün manquga saba-ben egüreçü irebe: je-a çi qamiya-aça qaişai yabuju bayima gebe: bei jambutibu nertü sansar turu neretü küçiju-ter yirtemji-eçe endegedü baralqa gegsen-dü irebe: ai-a çi buyin kilince you kebe geju erliq nom-un qayan asayuba: çara bay-a eçeyin inaşşi nom suryuli keju amitan-u tusalju yabuba gebe: erliq nom-un qayan altan toil-ben abaçu üjüged çi nom-un ubidusun-u çučin jıruyan boti surugsan-inu ünekü [20] elegen töröl-ün kümün medejü bayiji çurban çara qoora-yen eme-yi ögeçü alaju kejei bayin-a: egüni abaçu çaruyad qoortu çaldu çalayun tamu keged: çurban çara qoor-yin usun-ni ögeju tamal kemen çaryaba: tegeju bayital dalan qoyar nasutai ebügen barayun çara tayan doji jodba bariju jögün çara tayan erike küridü bariju irebei: çi qamiya-eçe ireba: mön urda kümün [21]-ni yosu-yi kelebe je-a çi buyin kilince you kebe: geju asayuba: bei nige çayun nayiman zegeri tabin nigen buyu çurban çayun qoni dolayan kümün alba dorji jodba nige gbum mavi nige dungşuur unşib-a gebe: erlig nom-un qayan altan toil-ben abun üzeged çini kelegsens ünen bayin-a: egüni abaçu çaruyad altan şar-a zam yasaju öge: Altan dusaltu burqan-u qutug-yi oluluy-a gebe: [22] tegeju bayital urtu çara gejiçetü kürin çara çarai-tai tegüreg çara nidütü çučin çayun şidütü künke jılayu: wçir nertü köbegün irebe: çi qamiya-eçe irebe: mön urdu-yin kümün-ni üge kelebe: je-a çi buyan kilince you kebe: gegsen-dü yayuma kegsen ügei qoni qarijulju yabuqu dayan mavni-yi egülju yabuba geju ayiladqaba: erlig qayan altan toli-ben abaçu üzeged: çinu kelegsens ünen bayin-a eserün qormusta tngeri-yin töröl olay-a gebe: tegeju bayital [23] çan kümün-ü törö-yi barigsan nangil nertü-yin jakrugçi tüşimed-ber beki bire bariju

irebe: či qamiya-eče irebe geǰu asaɣuba: mön urdu-yin kümün-ni üge kebebi: ĵe-a či buyan kilince you kebe: geǰi asaɣuba: bi törü yosu-yi bariǰu zaraɣu ünen-yer ſigübe quli ünen-ber bariǰu yabuba gebe: erlig nom-un qaɣan altan toil-ben abun üzeged: či zaraɣu qudal-yer kelegsən ſigüǰü [24] buzar kümü-ni ariɣun bolɣoǰu ariɣun kümü-ni buzar bolɣoǰu önge mönge tataǰu buruɣu ſidkesen bayin-a: egüni abaču ɣaruɣad tabun ĵayun töröl dakin küčütei köldügsen tamu-yin usun bolǰi turu geǰu ɣaryabai: tegeǰü bayital qorin qoyor nasutai nomun ĵula nertei küken barayun ɣara tayan erki kürdü ĵegün ɣara tayan dorǰi ĵodba bariǰu üde-yin ɣaǰar baray-a qaraǰu [25] üzeged erlig nom-un qaɣan alda cayan qadag-yi bari-u üde-yin ɣazar söǰüdeǰü amur-yi ayıldqaba: ai-a nomun ĵula dagini qamiya-eče qayiſi ögede bol-u yabuba: geǰu asaɣuba: mön öǰülebei: ai-a dagini buyan kilince you kebe geǰu asaɣuba: bi ĵayun nayiman nügeni sakiba: ĵayun nayiman quwarag-tu orkim-ei uyujı keyiǰi bariba: quvarag kümün-ni üde-yin ɣazar ugtaǰu noqai [26] qoriǰu ögeǰi yabuba: tegün-yer qočilagdaǰu kelegdeǰü yabuba gebe: ene kelegsən ünekü zambutib-tu bucaǰu tegüs nom-un debel laqſin töǰüsügsen gelong bolǰu mingyan quwarag-un terügün degeri adis talbiǰu amitan-ni tusalǰu yabu geǰu ɣaryaba: tegeǰü bayital 3 nomtu debel-tei gelong kümün-altan sil tngeri ögede bolǰu: arban önge-yin solongi-a tataɣulun niseǰü yabuqui-yi üzeged: dorǰi nilba dotoraki dörbın ĵayun [27] ĵirin yisün ekener nige gecül kümün-ü orkimǰi-eče bariɣun ogturyui-tur ɣarču očiɣa: molom toyin ayıldaqaba: ene gecül quvarag yambar üyile üyildügsen kümün bui: ende ülü baralqaqu-inu uçir ɣayuma bui gebe: tere qomſim bodisadu-yin zam

geǰu düri gegen-inu üzügsen qoyin-e: ende ayıldaqı kereg ügei gebe: basa molom toyin asaɣuba: ene tamu-yin dörbın zayun ĵiran yisun ekeginer-yi [28] tere nigen gecül kümün-ni orkimǰi-eče bariɣun ogturyui-tur ɣaraču yabuqu uçir ɣayuma bui geǰu asaɣuba: ai-a tere blam-a-yi zambutib-tur yabaqu cag-tu cab manza orkimǰi tergüyiten-ni ergügsen buyan ba: tere blam-a-eče van ĵinan abugsan tere irogil küčildeged: dorǰi nilba-eče ɣarči očiɣa gebe: basa molom toyin asaɣuba: ede amitan qamiya-a očiɣai: [29] yambar töröl olaqu bi geǰu asaɣuba: tere ogmin tejin kaldan sukiwadi-yin oron-du očiǰu qonſim bodisadu-un nökor selte bolun töröbe geǰu ayıladba: basa molom toyin asaɣuba ene qara ere nigen kümün yambar uçir-yer dorǰi nilba-tur kebeǰu qocaribai geǰu asaɣuba: tere blam-a-eče van -inan abugsan següldenı daginis ekenertü bile geǰu qobulǰu kelegsən ba: blam-a [30] quvarag-yi dayarigsan tere tangyarag ebderisan-yer ɣurban galab-yi nöǰçitel vaçir tamu dotor kebetekü geǰu ayıladba: ai-a Basamani qatun Ayuqu bodisadu köbegün-ben zambutib degerei abaču ɣaruɣad sem süm sayıqan nayırladun sayataba: getülgeǰci Çayayan Dar-e eke-yin teregün bölög töǰesebei: eke Çayan Dar-e ĵarlig bolorun ĵalraba: eke bolugsan [31] ĵıruɣayan züyil-yin qamug amitan erike biſi buyan-u yabudal-yin keceiyigtun: ilangyui-a ekiner kümüs minu: erdemtu toyid quvarag-ner-yi kündelǰü cab manǰa-yin qarman-a ügei bariɣayad orkimǰu barıntag-ner uyun bariɣad ogmin ſigemuni-yin oron-du oçıqu irügel-yi ulum-a yeke talbigtun kemeged ĵalran odba: om da rei duda rei durei suha:

[1] Сутра, повествующая о Спасительнице Белой Дарь-эхэ

[2] В конце кальпы всех будд прошлого, в начале кальпы Будды Шакьямуни, матушка Басмани-хатун с шестнадцати лет и до достижения восьмидесяти одного года провела в непрерывной медитации. Восьмого числа первого летнего месяца узрела она лучезарные облики будд, Трех драгоценностей и обратилась к Будде:

— Прощлое мое отдалилось, будущее мое приблизилось! — сказала она и просила даровать ей ребенка. Двадцать пятого числа первого зимнего месяца

с зубами, подобно драгоценной яшме,

с ликом, [сияющим] подобно дереву калпаврикаша,

[3] с сети подобными тремя синими пятнами меж двух лопаток,

с письменами на спине, мальчик по имени Аюху

с благословения [будд] родился.

Всего три дня вкушал он матушкино белое молоко и исчез. Басмани-хатун спрашивала о нем у шести видов живых существ.

— Матушка Белая Дарь-эхэ наша, в этот мир никто не приходил! — отвечали они.

Дошла она до Эрлик Номун-хана, прошла по устрешающим восемнадцати отделениям ада, крутя молитвенный барабанчик-курдэ и вдохновенно распе-

вая мантру. В тот же миг все существа восемнадцати отделений ада [4] переродились в стране Сукхавати.

Наблюдающий за адом Львинолицый паренё спросил у Эрлик-хана:

— По какой причине живые существа устрашающих восемнадцати отделений ада переродились в стране Сукхавати?

Эрлик Номун-хан, [покинув свой] шестнадцатизатяжный бронзовый дворец, сел на своего синего оленя, взял свой семидесятидвухсаженный аркан и направился навстречу [Дарь-эхэ]. Увидев хатун-матушку Дарь-эхэ, затряс головой, откашлялся, поднес хадак длиною в сажень и молвил:

[5] — Во здравии ли матушка Белая Дарь-эхэ? Откуда и куда вы шествуете?

— Я с 16 лет и до достижения 81 года провела в непрерывной медитации. Обратилась к Трем драгоценностям с просьбой о даровании ребенка и родилась у меня

с зубами, подобно драгоценной яшме,

с ликом, [сияющим] подобно дереву калпаврикаша,

с сети подобными тремя синими пятнами меж двух лопаток,

с письменами на спине, мальчик по имени Аюху

с благословения [будд] родился.

Всего три дня вкушал он матушкино [6] белое молоко и исчез. Не приходил ли кто в вашу страну? — спросила она.

— Спасительница, никто не приходил! Матушка Белая Дарь-эхэ, соблаговоли задержаться ненадолго, я хочу молвить слово. Я тот несчастный владыка, который вследствие результатов неблагих деяний вынужден в течение многих времен вершить суд над ста миллиардами миров. Ради блага всех шести видов живых существ соизволь [7] пропеть шести-членную мантру! — попросил он.

— Я обладаю бесчисленным количеством [рождений]. В последующем своем возвращении непременно прочту! — обещала она. Протянув в небе девятицветную радугу и поднявшись наверх, она спрашивала у Тысячи будд счастливой кальпы.

— О матушка Белая Дарь-эхэ наша, сюда он не приходил! — отвечали они.

Спрашивала у Хурмусты-тенгрия.

— О, в этот мир он не приходил! — отвечал он.

У Будды Шакьямуни [8] спрашивала.

— О Спасительница, в этот мир он не приходил! — отвечал он.

Затем пришла она в Замбутив и у всех шести видов живых существ и вплоть до ковыля-остреца спрашивала.

— О, в наш мир он не приходил! — отвечали они.

Пошла она дальше, увидела ламу-отшельника, девяносто девять лет просидевшего в медитации и гадавшего на черных и белых камнях, сядя у входа в пещеру, поклонилась [9] ему. Он благословил ее звонкозвучным черным монашеским посохом, держа его в правой руке.

— О матушка Белая Дарь-эхэ, ты откуда и куда направляешься? — спросил он.

— Я с шестнадцати лет и до достижения восьмидесяти одного года провела в непрерывной медитации. Обратилась к буддам и Трем драгоценностям с просьбой даровать ребенка и родился у меня

с зубами, подобно драгоценной яшме,
с ликом, [сияющим] подобно дереву калпаврикаша,
с сети подобными тремя синими пятнами меж двух лопаток,
с письменами на спине, мальчик по имени Аюху
с благословения [будд] родился.

Всего три дня вкушал он матушкино белое [10] молоко и исчез. Не приходил ли кто в вашу страну? — спросила она.

— О, в этот мир никто не приходил! — ответил он.

— О лама, вы искусны в гадании, соизвольте погадать мне! — попросила она. Лама в золотом сосуде золотые камешки-шо покрутил, выложил их и сказал:

— В стране Тысячи будд счастливой кальпы замурован он в тысячеслойную золотую бумбу. Сын твой Аюху-бодхисатва многими знаниями преисполнен,

чистой дхармы тело у него, [11] одиннадцать ликов у него,
на голове Амитабха у него, совершенные признаки тела у него,
тысячи равных рук у него, на каждой ладони глаз у него,
молодым видом привлекает он, запах сандала исходит от него,
разнообразны одеяния его, многими драгоценностями украшен он,
калпинке подобным гласом исполняет он совершенные дхараны,
три драгоценности восхваляющие мудро благопожелание его,
все желания исполняющему драгоценному чиндамани [12] подобный белоснежный лик у него,
зандан хорол называемое, непрерывного сияния Хоншим бодхисатвы тело у него!

Из-за того что слабосильных шести видов живых существ страдания великими стали, Тысяча будд счастливой кальпы забрали его, поместили в тысячеслойную золотую бумбу его и совершают ему поклонение!

Багамай-хатун, срезав мясо со своей нижней части, приготовила кушанье-цав¹. Надоив [13] молока из двух грудей своих, сварила чай-манза² и поднесла ламе. Слезы двух очей ее благодатным дождем стали. Произнесла она благопожелание:

В этой жизни родился ты девяносто девять лет
в созерцании проведенным,
Девяносто девятью языками владеющим драгоценным бодхисатвой,
В последующем своем рождении да появишься ты
из цветка лотоса и обретишь тело Амитабхи!

Протянув в небе девятицветную радугу, [14] направилась она в страну Тысячи будд счастливой кальпы, превратив себя в нищую старушку с пестрой котомкой в правой руке и с сухим посохом в левой.

Будда Шакьямуни, узнав ее, молвил:

— Вы думаете, что это обыкновенная нищая старушка? Все существующее следует воспринимать как иллюзорное. Это мать Аюху-бодхисатвы!

Аюху-бодхисатва воскликнул:

[15] — У всего есть время, у всего есть срок! — разрушил тысячеслойный золотой субурган. На восходе солнца обнял мать и держал ее в объятиях до окончания сил и лишь на закате солнца пришел в себя.

Отправились они к Эрлик Номун-хану. Прошли по всем устрашающим восемнадцати адам, распевая мантру. Живые существа восемнадцати адов [16] переродились в стране Сукхавати. В отделении Великого ада осталось 469 женщин и один черный человек.

Эрлик Номун-хан, Басмани-хатун, Аюху-бодхисатва, Молон-тойн вчетвером стали вершить суд над [существами] ста миллионов миров.

¹ Ц а в — кушанье для монахов.

² М а н з — чай, подаваемый монахам во время службы.

Тем временем вошел [к ним] гелонг с совершенными признаками тела, в трех духовных [17] одеяниях³, держа в правой руке патру⁴, а в левой посох.

Эрлик-хан спросил [у него]:

— Откуда ты пришел?

— Я пришел из Замбутива — нижнего великого мира сансары, поскольку мне было сказано явиться сюда. Зачем меня позвали? — спросил он.

— Что ты сделал благого и что грешного? — спросил у него [Эрлик-хан].

— Я не совершал никаких благих и греховных деяний. С думой о благе живых существ я в созерцании сидел в глухой [18] пещере и питался крапивой.

Эрлик Номун-хан посмотрел в свое золотое зеркало и молвил:

— И хотя ты говоришь правду, но в течение трех месяцев праведно и неправедно размышляя, праведно и неправедно благоговея, собрал ты прегрешения ума. Выведите его и дайте ему рождение в виде единственной жены простого человека!

Затем пришел среднего возраста светлолицый гецуль [19] с мешочком для лекарств, перекинутым через плечо.

— Откуда и куда ты идешь? — спросил [Эрлик-хан].

— Я пришел из Замбутива — нижнего великого мира сансары, поскольку мне было сказано явиться сюда. Зачем меня позвали? — спросил он.

— Что ты сделал благого и что греховного? — спросил [он].

— С самого раннего детства и до настоящего [времени] я практиковал учение ради блага живых существ! — ответил он.

Эрлик Номун-хан посмотрел в золотое зеркало и произнес:

— Ты действительно усвоил тридцать шесть томов наставлений. [20] Однако ты лишил жизни близкого родственника, дав ему три яда под видом лекарств. Заберите его и отведите в ад ядовитого пламени и поите его тремя ядами!

Потом пришел семидесятидвухлетний старик, который держал в правой руке «Дорджи джодва»⁵, а в левой четки и молитвенный барабанчик.

— Откуда ты пришел? — спросили его. Он отвечал так же, как и предыдущие [21] посетители.

— Что ты сделал благого и что греховного? — спросили его.

— Я убил сто восемь диких коз, пятьдесят одного оленя, триста овец и семь человек. «Дорджи джодва» я прочитал сто тысяч раз, мантру триллион раз! — ответил он.

³ Три духовных одеяния (санскр.: *cīvaratraya*; тиб.: *gsum chos gos*) — одеяние для публичных мест — сангати; для духовных собраний — утарасангати; одеяние, в котором монах находится в келье, — интаравасака.

⁴ Патра (санскр. *pātra*; тиб. *lhang bzed*) — монашеская чаша для сбора подаяния.

⁵ Дорджи джодва (Дорж жодв) — краткое название известной буддийской сутры «Ваджрачхедика».

Эрлик Номун-хан посмотрел в золотое зеркало и сказал:

— Ты сказал правду. Выведите его и выстройте ему желто-золотистый мост! Пусть он обретет святость Будды Алтан Дусал! — повелел он.

[22] Затем пришел юноша по имени Очир с длинной черной косой, со смуглым коричневым лицом, карими круглыми глазами, тридцатью белыми зубами.

— Откуда и куда ты идешь? — спросил его [Эрлик-хан]. Он отвечал так же, как и предыдущие посетители.

— Что ты сделал благого и что греховного? — спросил он.

— Я ничего не делал. Когда пас овец, все время читал молитву! — поведал он.

Эрлик-хан посмотрел в свое золотое зеркало и сказал:

— Сказанное тобой правда. Пость он обретет рождение тенгрием Хурмусты и Эсруа! — повелел он.

Потом пришел [23] хан по имени Нангил, за которым следовал писец с чернилами и пером.

— Откуда ты пришел? — спросил его [Эрлик-хан]. Он отвечал так же, как и предыдущие посетители.

— Что ты сделал благого и что греховного? — спросил он.

— Я, держа правление, творил справедливый суд и соблюдал закон! — ответил он.

Эрлик Номун-хан посмотрел в свое золотое зеркало и вынес решение:

— Ты творишь несправедливый суд! [24] За взятки ты провинившихся признавал невиновными, а невиновных обвинял в преступлении. Выведите его и в течение пятисот рождений пусть он пробудет в аду вновь и вновь замерзающей ледяной воды!

Увидев на расстоянии полуденной поездки двадцатидвухлетнюю девушку по имени Номин Зула, которая в правой руке держала четки с молитвенным барабанчиком-кюрдэ, а в левой — «Дорджи джодва», [25] Эрлик Номун-хан встретил ее на расстоянии полуденного пути. Преклонив колена, поднес ей в сажень длиной белый хадак и справился о ее здравии.

— О Номин Зула-рагини, откуда и куда ты шествуешь? — спросил он. Она отвечала так же, как и другие посетители.

— О рагини, что благого и греховного совершила ты? — спросил он.

— Я соблюдала сто восемь постов. Сшила и поднесла ста восьми монахам одеяние-оркимджи. Священнослужителей я встречала на расстоянии полуденного пути [26] и отгоняла собак. Из-за этого [люди] подшучивая надо мной, давали мне разные прозвища! — отвечала она.

— Сказанное тобой — правда. Вернешься в Замбутив ради блага живых существ и переродишься гелоном с совершенными признаками в совершенных духовных одеяниях, раздающим благословение тысячам монахам!

Потом показался гелон в трех духовных одеяниях, который, протянув десятицветную радугу, летел по золотисто-хрустальному небу. Четыреста шестьдесят девять женщин из отделения ада Дорджинилва, [27] ухватившись за край его накидки-оркомджи, взлетели в небо.

Молон-тойн спросил:

— Что совершил этот монах-гецуль? По какой причине он не явился сюда и куда он направляется?

— Это путь, ведущий к Хоншим бодхисатве. Тому, кто узрел его сиятельный образ, нет нужды являться сюда! — ответили ему.

Молон-тойн опять спросил:

— По какой причине эти четыреста шестьдесят девять женщин [28] из отделения ада Дорджинилва, ухватившись за край накидки-оркомджи гецуля, взлетели в небо?

— Во время пребывания в Замбутиве они подношением цава, манзы и монашеского одеяния [монахам] накопили благие деяния. Также они приняли у этого ламы обеты и придерживались их. Поэтому они сумели вырваться из ада Дорджинилва! — ответили ему.

Молон-тойн опять спросил:

— Куда направились эти существа, [29] какое они обретут рождение?

— Они направились в страну Сукхавати, где переродятся среди сонма окружения Хоншим бодхисатвы! — ответили ему.

Молон-тойн опять спросил:

— По какой причине этот черный человек остался лежать в аду Дорджинилва?

— После того как он принял у этого [30] ламы наставления, он всячески оскорблял и унижал монахов и хвалился, что у него в женах была дакия. Из-за нарушения принятого им обета до скончания трех кальп он будет находиться в великом аду! — ответили ему.

Басмани-хатун поднялась вместе с сыном Аюху-бодхисатвой в Замбутив, где они и стали пребывать в благополучии и благоденствии.

Первая глава о спасительнице Белой Дарь-эхэ закончена.

Матушка Белая Дарь-эхэ сказала:

— Матери подобные [31] шесть видов живых существ, непременно проявляйте усердие в благих деяниях. В особенности, женщины мои, почитайте драгоценных монахов-тойнов, не жалейте совершать подношение манзой и цавом, шейте и подносите им монашеское одеяние, как можно чаще произносите благопожелание о вступлении в страну Шакьямуни!

B. A. Bicheev Buddhist Visions of Hell in the Tara Tales

The article is devoted to a story of the Buddhist vision of hell, a version of «The Tale of the Green Dar-ehe», which is well-known in the Mongolian literature. The publication contributes to the study of texts, dealing with the Buddhist visions of hell in the Mongolian literature.

Key words: Mongolian old written literature, the Buddhist visions of hell, Tara, White Dar-ehe, Green Dar-ehe, Naranu Gerel, Erlig Nomun Khan.